

УДК 159.99

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ МЕДИАПРОДУКТА, СОДЕРЖАЩЕГО ПРОБЛЕМНУЮ СИТУАЦИЮ, КАК ФАКТОР ВЫБОРА РИСКОВАННОГО РЕШЕНИЯ**INTERACTIVE MEDIAPRODUCT CONTAINING THE PROBLEM SITUATION AS A FACTOR OF A RISK SOLUTION****Т.Н. Разуваева, А.В. Савицкий**
T.N. Razuvaeva, A.V. SavitskyБелгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: razuvaeva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования, связанного с изучением влияния интерактивного медиапродукта, содержащего проблемную ситуацию, на принятие реципиентом рискованного решения в ситуации неопределенности. На примере модифицированного варианта «дилеммы узника» изучаются различия в выборе испытуемыми между рискованным и безопасным вариантами решения проблемы.

Abstract

The article presents results of empirical studying decision making when a problem situation is given in interactive media product form, and influence interactive impact on a tendency of risky decision in an uncertainty situation. On the example of the modified "prisoner's dilemma", differences in the choice of subjects between risky and safe options for solving the problem.

Ключевые слова: интерактивный медиапродукт, принятие решения, склонность к риску.**Key words:** interactive media product, decision making, tendency of risk.

Введение

Одной из основных характеристик современного общества является возросший информационный поток, что связано не в последнюю очередь с развитием интернет-технологий, которые повсеместно внедряются в нашу жизнь. Изрядная часть взаимодействия, коммуникации людей друг с другом перешла в режим online, что сказывается и на характере взаимодействия человека с информацией. Причем информация, существующая в интернете, может носить противоречивый характер, содержать призывы к определенным действиям, ненамеренно или же специально делать фокус на определенных событиях, аспектах с тем, чтобы вызвать у человека нужную реакцию, а подчас и сподвигнуть его на определенное действие, вплоть до внушения определенных идей и мнений, что, безусловно, влияет на процесс принятия решения. Существует целый ряд исследований, посвященных изучению процесса принятия решений [Завалишина 2005; Канеман 2003; Ключко 2008; Корнилова 1999; Корнилова 1990; Холодная 2004], а также исследований, направленных на изучение изменений личностных особенностей человека (как правило, в негативном ключе) при взаимодействии с интернет-технологиями [Разуваева 2015].

Можно отметить различные подходы к изучению принятия решений. Одно из основных различий – это несоответствие изучаемых областей в психологии мышления и когнитивной психологии, которое, по сути, фокусируется именно на изучении психологии принятия решений. Несмотря на то, что данные области пересекаются предмет и проблематика их изучения различны. Если психология мышления фокусируется на изучении самих мыслительных процессов, то психология принятия решений в большей степени фокусируется на изучении выбора в ситуации, имеющей ту или иную неопределенность.

В более широком контексте – это неопределенность саморегуляции интеллектуальных стратегий, как реализуемых структур познавательной деятельности субъекта, или – более узко – актуалгенеза мышления, причем представленного не столько в соотношении продуктивных и репродуктивных его компонентов, сколько в связях компонентов регулятивных процессов – инициации, процессуальной детерминации и достижения результата решения [Клочко 2008].

При этом в когнитивной психологии, изучающей проблему принятия решений существует проблема переформулирования объективной неопределенности в неопределенность субъективную, то есть речь в данном случае касается не только мышления, но и целого ряда других переменных, таких как воля, целеполагание, мотив и т.п. Таким образом, проблема принятия решения выходит за рамки сугубо психологии мышления.

Когнитивная психология учитывает непсихологические подходы к описанию стратегий человека, принимающего решения, плюс в исследованиях данного направления идет акцент на субъективную логику вынесения вероятностных суждений.

Так, например, когнитивный подход Д. Дернера предполагает выделение этапов принятия решения, которые, по его мнению, составляют основные единицы интеллектуальной стратегии, а вероятностные аспекты альтернатив включены в развитие содержательного контекста ситуации. [Дернер 1997]

Говоря в общем виде, в когнитивной психологии предполагается, что познавательные усилия субъекта не влияют на изменение исходов, в то время как в психологии мышления именно сами усилия являются предметом анализа. В психологии мышления неопределенность заключается именно в ориентировки в системе альтернатив, т.е. риск принять неверное решение здесь не категоризуем, в то время как в когнитивных подходах есть принятие фактора риска, т.к. изначально в задачах заданы вероятности.

При этом риск в данных подходах можно определить как следствие выбора в условиях неопределенности, а неопределенность – неполнота ориентировки. В подходах, основанных на психологии мышления, когда ориентировка не задана в условиях задачи, наблюдается самостоятельное построение ориентировочных схем, переход на новые смыслы при решении задач, например, на этом базируется понятие «надситуативной активности» в теории В.А. Петровского. [Петровский 1992]

Также ряд исследователей говорит о процессе принятия решений с точки зрения индивидуального стиля деятельности, т.к. данный процесс включает в себя помимо собственно мышления еще такие компоненты, как воля, целевая регуляция поведения, что нашло отражение в исследованиях К. Левина, Мак-Клеланда, Роттера, Пика, Хекхаузена, изменением оценки альтернатив при включении морального компонента Г. Гигиренцер, или изучение субъективной желательности наступления события с его объективной вероятностью – «теория проспекта» Канемана-Тверски.

Мы считаем, что проблема принятия решений, как индивидуального стиля деятельности, связана с когнитивным стилем, что в отечественной литературе наиболее полно отражено в работе М.А. Холодной. [Холодная 2004]

О.К. Тихомиров отмечал в своих исследованиях тот факт, что своеобразие психики заключается не только в самом наличии сознания, но и в том, что сознание и неосознанные формы психического отражения у человека специфичны. [Тихомиров 1984]. Эта идея развивалась в русле идеи Л.С. Выготского о единстве познавательной и смысловой сфер сознания. Элементы сознания не функционируют сами по себе, они функционируют в определенной системе, поэтому изучать эти элементы в отрыве от данной системы и целостности не представляется возможным. Поэтому, исходя из этого методологического положения, интеллектуальные и смысловые процессы не рассматриваются в отрыве друг от друга, а только в системной связи. Результатом данного подхода выявились «новые формы неосознаваемого психического отражения, а также новые структурные единицы деятельности. По утверждению О.К. Тихомирова, мысль не появляется, развивается внутри самого процесса мышления (из другой мысли), она напрямую связана с мотивационно-смысловой сферой сознания.

Работы школы О.К. Тихомирова позволяют с методологической позиции признания многообразия форм активности субъекта мышления и идеи многоуровневой и множественной регуляции мыслительной деятельности отнести к современным постановкам проблемы строения познавательной сферы человека когнитивистами. [Тихомиров 1984]

В исследовании американского ученого Д. Канемана присутствует схема, которая наглядно демонстрирует выдвинутый данным исследователем принцип автономной организации систем интуитивного и рационального мышления. Исходя из представленной схемы, все функционирование когнитивной сферы опирается на эти две системы. Основная идея данной работы заключается в том, что приводя с одной стороны логически обоснованные решения задач, которые Д. Канеман давал испытуемым, он делает фокус исследования на том, что эти самые логически обоснованные решения не соответствуют реальным стратегиям, которые демонстрируют испытуемые. [Канеман, 2005] Таким образом, наблюдается определенное рассогласование между логическим и фактическим. Д. Канеман данные эвристики (ошибки) мышления – «ловушки ума» относит на счет интуитивного мышления и рассматривает скорее как объяснительный принцип. Т. е. по мнению данного исследователя, мышление как бы может функционировать в двух вариантах логическом и интуитивном, и второй вариант является формой второго «интуитивного» режима.

В отличие от западного коллеги О.К. Тихомиров эвристики рассматривал не как объяснительный принцип, а как предмет изучения. Дело в том, что подход О.К. Тихомирова, как уже было описано выше, основывался на том, что мышление неразрывно связано с мотивационно-смысловой структурой, и эвристики мышления это не есть объяснительный принцип интуитивного мышления, они, по сути, являются предметом изучения мышления в его неразрывной связи со смысловой структурой. Т.е. можно предположить, что мышление по мнению О.К. Тихомирова, в отличие от Д. Канемана, функционирует не либо логически, либо интуитивно, но сама личность ее цели, смыслы, степень принятия задачи формирует подход к тому, как проблемная ситуация будет решаться.

Другой ведущий представитель когнитивной психологии, Г. Гигеренцер [Гигеренцер 2015] успешно спорит с Д. Канеманом именно по поводу психологического понимания сути эвристик и формата задач, в которых они работают как «ловушки», вызывающие искажения в суждениях человека. По мнению Г. Гигеренцера, эвристики мышления – это не ловушки, а скорее некий приспособительный инструмент, чья работа оптимальна в реальных условиях окружающего мира, их преимущества с одной стороны – в экономии времени, а с другой – отсутствие или подчас неизвестность оптимальных стратегий для реального мира. Таким образом, Г. Гигеренцером в рамках его теории

экологической рациональности описанные Д. Канеманом эвристики не являются «ловушкой ума», а скорее интеллектуальным инструментом, чья работа оптимальна в реальном мире, где подчас информации бывает либо недостаточно, либо избыточно, а оптимальная стратегия и вовсе неизвестна [Бабаева 2008].

Соотнесение интуитивного и логического как компонентов познания проводилось О.К. Тихомировым иначе, чем в названных зарубежных концепциях и в подходе Я.А. Пономарева [Пономарев 1990], который так же, как и Д. Канеман, постулировал наличие двух систем — интуитивной и логической. У Я.А. Пономарева также идет речь о двух различных по принципам своей работы системах, но уже как о режимах функционирования единой когнитивной сферы. Эти две системы опираются на два вида индивидуального опыта, отражаемого и не отражаемого на вербальном уровне, но оба вида приобретаются действенным путем.

Выше упоминалось о субъективной оценке риска в заданных проблемных ситуациях, таким образом, при изучении процесса принятия решения, на наш взгляд, важным параметром является когнитивная репрезентация риска – психологический фактор, позволяющий принять риск не просто на когнитивном уровне, но и перевести его на уровень действия.

В психологии под готовностью к риску понимается способность человека к самоконтролю в ситуации, содержащей неполноту информации или недоступность развернутой ориентировки в ситуации. При этом поведение человека в ситуации неопределенности, когда необходимо принять решение, изучается во множестве дисциплин, наличие риска и принятие данного риска как раз тот момент, который отличает собственно психологические подходы от непсихологических.

Готовность к риску, как психологическая проблематика, разрабатывается в контексте системы единого интеллектуально-личностного потенциала человека. Некоторые ученые вводят понятие интеллектуального риска – оно связано с изучением вероятностных суждений и мышления человека. В данном подходе открытым остается вопрос о соотношении таких качеств как личностная готовность к риску и риск в мышлении.

Человек рассматривается с позиции активности и принятие или непринятие им рискованного решения также рассматривается как личностный выбор. Несмотря на различные подходы к пониманию активности человека, который стоит в ситуации принятия решений, можно выделить следующие стадии, которые были описаны исследователем Ю. Козелецким [Козелецкий 1979]:

- 1) создание субъективного представления о задаче;
- 2) оценку последствий выбора каждой альтернативы;
- 3) прогнозирование условий, определяющих последствия;
- 4) собственно выбор из альтернатив.

Сама задача может строиться субъективно, предполагая в себе ориентацию на:

- 1) логические правила;
- 2) эвристики, цель которых сокращение альтернатив, для более удобного оперирования возможностями;
- 3) субъективную вероятность исхода при выборе той или иной альтернативы.

Учитывая роль личностных компонентов в принятии решения вообще и принятии рискованного решения в частности, стоит отметить тот факт, что само по себе принятие решения строится не только с использованием формализованных логических операций, но и с ведущей ролью мотивационно-смысловой системы, которая оказывает ведущее влияние в данном процессе. В процессе принятия такого решения происходит не только поиск альтернативных подходов, подсчета вероятности исходов, построение целостной проблемной ситуации и т.п., но в первую очередь должна произойти привязка задачи к его

личностной, мотивационно-потребностной сфере, человек должен определиться в личностной цене своего решения.

На процесс принятия решений в случае, когда человек взаимодействует с информацией, представленной в интернете, могут оказывать влияние различные факторы, начиная от источника информации и заканчивая мультимедийным оформлением. Однако, интернет также характеризуется, на наш взгляд, такой важной особенностью, как интерактив, т.е. процессом непосредственного взаимодействия человека с информацией, что выражается в быстром ответе на запрос пользователя. Таким образом, информационное содержание обладает более гибкой подстройкой под запрос конкретного человека.

До недавнего времени данный принцип касался преимущественно текстовой информации, однако в настоящее время все более широкую популярность приобретают интерактивные мультимедийные продукты. Их отличительной особенностью является встроенный в медиаматериал механизм обратной связи, благодаря чему реципиент получает возможность влиять на развитие сюжета. Таким образом, роль человека в процессе взаимодействия с данным роликом становится более активной, тем самым реализуется в большей степени диалогическая модель взаимодействия человека с медиапродуктом [Буренко 2005]. В дальнейшем такие медиапродукты мы будем называть интерактивными.

Интерактивность понимается как диалоговое взаимодействие, организованное программно-аппаратными средствами через символично-графический интерфейс художественного цифрового экранного произведения, где ключевой задачей является погружение зрителей в заданное автором пространство [Чичканов 2011].

Одной из центральных проблем, в которой соединились два подхода: деятельностный и культурно-исторический – это проблема взаимодействия человека с информационными технологиями. В школе О.К. Тихомирова изучалось, как именно происходят преобразования психики в условиях, когда заданы новые формы орудийного опосредования. В качестве новых орудий в частности рассматривались информационные технологии, изучалось, как именно происходит процесс решения задач в условиях взаимодействия человека с компьютером, а также общение людей посредством информационных технологий. В данном случае происходило употребление «не просто знаковых средств, но специальных информационных технологий, которые опосредовали это употребление», что вылилось в усложнение высших психических функций. Выражаясь языком О.К. Тихомирова, употребление информационных технологий является неким продолжением культурно-исторической теории, Л.С. Выготский, изучая как доречевые и речевые средства в рамках генетического изучения ВПФ, анализировал достаточно не сложные формы информационных технологий.

Как отмечают современные исследователи, в проведенных в школе О.К. Тихомирова исследованиях было экспериментально установлено, что в компьютеризированной деятельности:

- изменяется традиционное для некомпьютеризированной мыслительной деятельности соотношение творческих и рутинных компонентов;
- модифицируются содержательная, структурная и процессуально-динамическая стороны процессов целеобразования;
- развиваются познавательные потребности пользователей компьютеров и другие виды потребностей;
- деятельность преобразуется в зависимости от характеристик языка программирования;
- в диалоге с системами, оперирующими знаниями, видоизменяются традиционные формы понимания;

- трансформируется «образ партнера» и возникают феномены персонификации (анимизации) компьютеров и программ для них;
- проявляются защитные механизмы личности и трансформируются процессы контроля и критичности;
- претерпевают изменения методы и процедуры психологического исследования.

Таким образом, в предыдущих исследованиях было продемонстрировано, что в процессе взаимодействия человека с информационными технологиями идет изменение структуры ВПФ, что в теории должно сказываться на таком частном случае, изучаемом нами, как принятие решения. Более того, компонент интерактивности, который интересует нас в первую очередь как один из факторов, который, на наш взгляд, должен менять соотношение рискованных/безопасных ответов у респондентов в сторону первых, так или иначе уже изучался в психологических исследованиях, посвященных психологии геймеров. Однако в данных исследованиях ключевой компонент интерактивности как таковой не был в центре данного изучения и если изучался, то максимум имплицитно.

Наше предыдущее исследование [Разуваева 2015] дает основание предполагать, что в процессе взаимодействия с интерактивными роликами возрастает число рискованных выборов в ситуации неопределенности по сравнению с роликами неинтерактивными, что мы связываем с уменьшением критичности реципиента, связанной с более глубоким погружением в транслируемый материал.

В текущем исследовании нас интересовал следующий вопрос: если при просмотре интерактивного ролика респонденты склонны выбирать более рискованные решения, что мы связывали с уменьшением критичности к транслируемому материалу, будет ли более эффективной суггестия, представленная в интерактивном формате?

Исходя из данного проблемного вопроса, предметом нашего исследования стала интерактивность медиапродукта, содержащего проблемную ситуацию как фактор принятия рискованного решения.

Объекты и методы исследования

Нами было выдвинуто предположение о различии в количестве рискованных выборов в контрольной и экспериментальной группах. В случае представления материала в интерактивном формате, суггестия, содержащаяся в нем, будет более эффективна по сравнению с неинтерактивным медиаматериалом.

В качестве контролируемого параметра выступил показатель полезависимости / независимости испытуемых, как способ восприятия, оценки информации и принятия решения. Данный параметр нами контролировался, чтобы не принять особенности когнитивного стиля испытуемых за влияние независимой переменной. Изучение полезависимости / полнезависимости происходило при помощи методики Готшильда «Тест включенных фигур».

Данное исследование предполагает:

- воздействие посредством введения независимой переменной в экспериментальную группу, в качестве такой переменной выступила интерактивность в медиапродукте, содержащем проблемную ситуацию;
- сравнение эффекта между контрольной и экспериментальной группой;
- не полный контроль внешних переменных (т.к. исследование проводилось посредством сети интернет).

Выборку составили 124 человека: 62 – в контрольной, 62 - в экспериментальной группе; в возрастном диапазоне от 17 до 36 лет; 62 мужчин, 62 женщины.

Процедура исследования состояла в общем виде из следующих этапов:

Подбор испытуемых (посредством социальных сетей в среде Интернет);

Предоставление инструкции испытуемым. В тексте инструкции находилась ссылка на рекламный ролик, который испытуемый просматривал в режиме on-line (ресурс www.youtube.com). За основу был взят модифицированный вариант задачи «Дилемма узника».

Модифицированный вариант задачи в общем виде давал испытуемым следующую ситуацию:

«Вы можете отправиться в поездку либо на автомобиле, либо на автобусе.

В случае, если вы выберете автомобиль и большая часть остальных жителей выберет поездку на личном автомобиле, то среднее время каждого из вас до работы составит 45 минут. Если вы выберете поездку на автобусе, а большая часть остальных выберет поездку на личном авто, то путь на автобусе займет 55 минут, путь остальных на машине 45 минут. В случае, когда обе стороны выбирают автобус, то путь всех составит 15 минут из-за отсутствия пробок. В случае, если вы выберете личное авто, в то время как большая часть остальных выберет автобус, то ваш путь составит 5 минут, а путь на автобусе остальных по 15 минут».

В общем виде возможная комбинация «выигрышей»/ «проигрышей» в описываемой ситуации представлена в таблице ниже.

Таблица 1

«Матрица «выигрышей» / «проигрышей» в стимульной проблемной ситуации

	Выбор транспорта	Остальные жители	
		Автомобиль	Автобус
Главный герой	Автомобиль	45; 45	5; 15
	Автобус	55; 45	15; 15

Далее информация анализировалась следующим образом: представим, что большая часть людей выбрала поездку на автомобиле, тогда для вас тоже выгодно ехать на автомобиле: 45 минут против 55. (см. первый столбец с данными таблицы 1).

Если большая часть выберет поездку на автобусе, то в этом случае для главного героя выгодна поездка на автомобиле: 5 минут против 15 (см. второй столбец с данными таблицы 1).

Таким образом, получается, что в любой стратегии выигрышной является поездка на автомобиле, а значит, выбор всех сторон будет автомобиль: 45; 45.

Но парадокс заключается в том, что поездка на автомобиле оказывается менее выигрышной по времени, если бы все выбрали поездку на автобусе: 15; 15.

Далее идет суггестивный компонент: «Правительство приводит данную информацию и просит вас проявить гражданскую сознательность и выбрать поездку на автобусе». Затем задается вопрос: «На чем респондент в текущей ситуации поедет на работу завтра утром?».

Результаты исследования

Ниже приводится таблица выборов альтруистичного (рискованного) поступка в контрольной и экспериментальной группах.

Можно отметить, что число рискованных выборов в экспериментальной группе превышает число выборов в контрольной группе на 20%. Принято считать, что в задачах данного типа рациональное решение – это предательство, т.е. в нашем случае, это выбор поездки на автомобиле. Однако, как в контрольной, так и в экспериментальной группах большая часть испытуемых сделали альтруистичный выбор. Данные результаты можно объяснить тем, что и в том, и в другом варианте ролика содержался суггестивный компонент.

Таблица 2

Количество альтруистичных (рискованных) выборов в контрольной и экспериментальной группах (%)

Группа	Кол-во рискованных (альтруистичных) выборов
Контрольная	52
Экспериментальная	72

В нашем случае общая выборка относилась к полезависимым испытуемым, что однако не сказывается на подтверждении гипотезы о большем числе выборов рискованных ответов в экспериментальной группе, которая взаимодействовала с интерактивным медиапродуктом.

Заключение

Подводя итог исследованию можно отметить, что число рискованных (в нашем случае альтруистичных) ответов в экспериментальной группе выше, по сравнению с аналогичными ответами в неэкспериментальной группе выше. Это может свидетельствовать о большей погруженности испытуемого в предоставляемый контент, а так же об определенном снижении уровня критичности испытуемого к предоставляемой информации.

Список литературы

References

1. Бабаева, Ю.Д. Школа Тихомирова: Фундаментальные проблемы психологии / Ю.Д. Бабаева, Н.Б. Березанская, И.А. Васильев, А.Е. Войскунский, Т.В. Корнилова // Вестник Московского университета. Серия 14, № 2, 2008. – С.26-59.
Babaeva, Yu.D. Shkola Tihomirova: Fundamental'nye problemy psihologii / YU.D. Babaeva, N.B. Berezanskaya, I.A. Vasil'ev, A.E. Vojskunskij, T.V. Komilova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, № 2, 2008. – S.26-59.
2. Буренко, Д.Л. Социально-психологическая эффективность воздействия рекламы торговой марки на целевую аудиторию: дис. ... канд. псих. наук / Д.Л. Буренко. – М.: 2005. - 251 с.
Burenko, D.L. Social'no-psihologicheskaya ehffektivnost' vozdejstviya reklamy torgovoj marki na celevuyu auditoriyu: dis. ...kand. psih. nauk / D.L. Burenko. – М.: 2005. - 251 s.
3. Гигеренцер, Г. Понимать риски. Как выбирать правильный курс / Г.Гигеренцер – М.: Колибри, 2015. – 352 с.
Gigerencer, G. Ponimat' riski. Kak vybirat' pravil'nyj kurs / G.Gigerencer – М.: Kolibri, 2015. – 352 s.
4. Дернер, Д. Логика неудачи / Д. Дернер – М.: Смысл, 1997. – 256 с.
Derner, D. Logika neudachi / D. Derner – М.: Smysl, 1997. – 256 s.
5. Завалишина, Д.Н. Практическое мышление: Специфика и проблемы развития / Д.Н. Завалишина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 376 с.
Zavalishina, D.N. Prakticheskoe myshlenie: Specifika i problemy razvitiya / D.N. Zavalishina. – М.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2005. – 376 s.
6. Канеман, Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. - № 4. - С. 31-42.
Kaneman, D. Racional'nyj vybor, cennosti i frejmy / D. Kaneman, A. Tverski // Psihologicheskij zhurnal. – 2003. – Т. 24. - № 4. - S. 31-42.
7. Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А. Принятия решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски – Харьков: Издательство Институт прикладной психологии «Гуманитарный центр», 2005. – 632 с.

Kaneman, D., Slovik, P., Tverski, A. Prinyatiya reshenij v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya / D. Kaneman, P. Slovik, A. Tverski – Har'kov: Izdatel'stvo Institut prikladnoj psihologii «Gumanitarnyj centr», 2005. – 632 s.

8. Ключко, В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ / В.Е. Ключко // Вестник Московского университета. – 2008. - №2. – с. 87-102.

Klochko, V.E. Smyslovaya teoriya myshleniya v transspektive stanovleniya psihologicheskogo poznaniya: epistemologicheskij analiz / V.E. Klochko // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2008. - №2. – s. 87-102.

9. Козелецкий, Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий, - М.: Прогресс, 1979. – 504 с.

Kozeleckij, YU. Psihologicheskaya teoriya reshenij / YU. Kozeleckij, - M.: Progress, 1979. – 504 s.

10. Корнилова, Т.П. Психологическая регуляция принятия интеллектуального решения: дис. ... д-ра психол. н. / Т.П. Корнилова. – М.: МГУ, 1999. – 464 с.

Kornilova, T.P. Psihologicheskaya regulyaciya prinyatiya intellektual'nogo resheniya: dis. ... d-ra psihol. n. / T.P. Kornilova. – M.: MGU, 1999. – 464 s.

11. Корнилова Т.В. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером / Т.В. Корнилова, О.К. Тихомиров. - М.: МГУ, 1990. - 192 с.

Kornilova T.V. Prinyatie intellektual'nyh reshenij v dialoge s komp'yuterom / T.V. Kornilova, O.K. Tihomirov. - M.: MGU, 1990. - 192 s.

12. Корнилова Т.В. Риск и принятие решений: психология неопределенности – М.: РГНФ, - 242 с.

Kornilova T.V. Risk i prinyatie reshenij: psihologiya neopredelennosti – M.: RGNF, - 242 s.

13. Петровский, В.А. Логика неадаптивной активности / В.А. Петровский – М.: Российский открытый университет, 1992. – 224 с.

Petrovskij, V.A. Logika neadaptivnoj aktivnosti / V.A. Petrovskij – M.: Rossijskij otkrytyj universitet, 1992. – 224 s.

14. Пономарев, Я.И., Семенов, И.Н., Степанов, С.Ю. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Я.И. Пономарев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов – СССР. Институт Психологии, 1990. – 222 с.

Ponomarev, Ya.I., Semenov, I.N., Stepanov, S.Yu. Psihologiya tvorchestva: obshchaya, differencial'naya, prikladnaya / Ya.I. Ponomarev, I.N. Semenov, S.Yu. Stepanov – SSSR. Institut Psihologii, 1990. – 222 s.

15. Разуваева Т.Н. Интерактивность медиапродукта, содержащего проблемную ситуацию, как фактор выбора рискованного решения / Т.Н. Разуваева, А.В. Савицкий // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления, - Материалы международной научно-практической конференции. - Белгород, 2015. - С.168-173.

Razuvaeva T.N. Interaktivnost' mediaprodukta, sodержashchego problemnuyu situaciyu, kak faktor vybora riskovannogo resheniya / T.N. Razuvaeva, A.V. Savickij // Riski v izmenyayushchejsya social'noj real'nosti: problema prognozirovaniya i upravleniya, - Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - Belgorod, 2015. - S.168-173.

16. Субъект и объект практического мышления /под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. - Ярославль: Изд-во: «Российское психологическое общество. Ярославское отделение», 2004. - 320 с.

Sub"ekt i ob"ekt prakticheskogo myshleniya /pod red. A.V. Karpova, Yu.K. Kornilova. - Yaroslavl': Izd-vo: «Rossijskoe psihologicheskoe obshchestvo. Yaroslavskoe otdelenie», 2004. - 320 s.

17. Смолян, Г.Л. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области) /Г.Л. Смолян, Г.М. Заракровский, В.М. Розин, А.Е. Войскунский. — М.: Ин-т системного анализа РАН, 1997. - 52 с.

Smolyan, G.L. Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' (opredelenie i analiz predmetnoj oblasti) /G.L. Smolyan, G.M. Zarakovskij, V.M. Rozin, A.E. Vojskunsij. — M.: In-t sistemnogo analiza RAN, 1997. - 52 s.

18. Тихомиров, О.К. Психология мышления / О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 272 с.

Tihomirov, O.K. Psihologiya myshleniya / O.K. Tihomirov. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1984. – 272 s.

19. Тихомиров, О.К. Структура мыслительной деятельности человека / О.К. Тихомиров. - М.: «Издательство Московского Университета», 1969. – 219 с.

Tihomirov, O.K. Struktura myslitel'noj deyatel'nosti cheloveka / O.K. Tihomirov. - M.: «Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta», 1969. – 219 s.

20. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

Holodnaya, M.A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma / M.A. Holodnaya. – SPb.: Piter, 2004. – 384 s.

21. Чичканов, Е.С. Интерактивность как форма диалога в пространстве цифрового экранного произведения / дис. ...канд. искусствоведения / Е.С. Чичканов. – СПб. 2011. - 165 с.

Chichkanov, E.S. Interaktivnost' kak forma dialoga v prostranstve cifrovogo ehkrannogo proizvedeniya / dis. ...kand. iskusstvovedeniya / E.S. Chichkanov. – SPb. 2011. - 165 s.